

А. Н. ОСТРЯНКО

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ В СВЕТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Источниковая база исследований по истории исторической науки отличается значительным видовым разнообразием, которое требует применения широкого спектра методов для получения достоверной информации об историографическом процессе. Использование новых методологических подходов и методик источниковедческих исследований дает возможность преодолеть односторонность представления об истории исторической науки как о линейном процессе накопления исторического знания.

Методики, разрабатываемые и применяемые в специальных исторических дисциплинах, филологии, психологии, математике и других отраслях, все чаще выявляют свою гносеологическую ценность для источниковедения историографии. Особое место в корпусе историографических источников принадлежит его-документам, представленным письмами, мемуарами и автобиографиями историков [5; 8; 18; 19]. Функционирование источников личного происхождения в исторических исследованиях определяется особенностями их информационного потенциала — субъективный характер сообщений зачастую предопределяет отнесение этого комплекса источников к второстепенным, несущим информацию, достоверность которой сложно установить. Однако это не снижает роли его-документов в историографических исследованиях. Именно эти источники дают возможность отобразить ре-

Астранка Андрэй Мікалаевіч — дацэнт кафедры гісторыі і археалогіі Украіны Чарнігаўскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Т. Шаўчэнкі, кандыдат гістарычных навук.

альность, которая открывается «по ту сторону» монографий, статей, выступлений на научных форумах, и расширить представления об историографическом процессе. При этом информация писем, дневников и мемуаров о реалиях жизни и деятельности ученых носит уникальный характер. Применение междисциплинарных методов изучения этого корпуса нарративных памятников раскрывает новые информационные возможности в изучении социального образа корпорации украинских историков, особенно на стадии ее формирования во второй половине XIX — начале XX в.

Применение этих методов к изучению источников личного происхождения, прежде всего, способствует уточнению содержания категории «историографический процесс». Интересные результаты дает картографирование эпистолярной коммуникации, которое позволяет представить географию научного поиска, отследить влияние научных миграций на творчество ученых, продуктивные периоды творчества, дополнить новыми аргументами дискуссию о столичности и провинциальности исторической науки. При этом перечень адресатов историков в сочетании с анализом содержания корреспонденции расширяют круг субъектов историографического процесса, включая в их число не только ученых, но и других представителей интеллигенции, которые интересовались историческим прошлым, занимались коллекционированием, краеведением, способствовали институционализации науки, материально поддерживали начинания ученых. В связи с этим историографическое пространство украинской исторической науки второй половины XIX — начала XX в. выходит за пределы центров изучения украинской истории, границ украинских губерний в составе Российской империи и не ограничивается представителями «цеха» историков, которые занимались исследованиями истории Украины. Оформление украинского историографического пространства не следует отождествлять с процессами национального возрождения, ибо в рамках последнего использовались достижения исторической науки, и в этом смысле оно является вторичным по отношению к историографии [7, с. 408—409]. Исходя из этого, к субъектам украинского историографического процесса следует отнести не только признанных историков — М. Грушевского, В. Антоновича, Н. Костомарова, А. Лазаревского и др., но и литераторов П. Кулиша, Т. Шевченко, И. Франко, меценатов В. Симиренко, Е. Чикаленко, а также чиновников П. Валуева, Н. Юзефовича, каждый из которых влиял на становление исторической науки в Украине.

Кроме того, применение подходов, основанных на теории информации, к изучению историографической ситуации конца XIX — начала XX в. позволяет укрепиться в мысли о том, что интенсификация процессов обмена информацией посредством эпистолярной коммуникации, которая наблюдалась в среде украинской интеллигенции, стала предпосылкой для качественных преобразований, приведших к становлению когорты единомышленников, из которой сложилась корпорация историков-профессионалов. Важным, в этой связи, видится привлечение лингвистических методик для качественной переоценки информационного потенциала источников, что позволит выявить в них соотношение объективной и субъективной информации, определить степень авторской заинтересованности в моделировании информационных потоков и сопоставить информационные поля разных источников [9, с. 52]. Подходы лингвистов способны раскрыть модальность информации источников личного происхождения, которые отражают не только реалии события и отношение к нему творца источника, но и вызывают ответную оценочную реакцию читателя.

Применение методов социокультурной лингвистики и лингвистического источниковедения способствует, с одной стороны, установлению параметров языковой личности автора его-текста по основным статусным признакам — пол, возраст, образованность и т. д., а также пониманию того, что язык — это упорядоченная совокупность правил, необходимых для коммуникации [14, с. 84]. С другой — позволяет раскрыть языковую среду, особенности культуры, ментальную карту пространства, в котором формируется увлечение национальной историей и вызревает когорта людей, для которых это представляет профессиональный интерес [17, с. 5]. Такой подход целиком соотносится с изучением коммуникативно-компетентностной социализации в рамках антропокоммунологии [13, с. 213] и формирует четкое представление о модельной личности — представителе украинской исторической науки — члена этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и ценностной ориентации [3].

Восприятие научного сообщества как системы, в которой ведется интенсивный обмен информацией, обуславливает интерес к изучению каналов коммуникации, среди которых эпистолярию принадлежит ведущая роль в становлении украинской исторической науки во второй половине XIX — начале XX в. Методы исторической коммунологии

позволяют определить каналы формального и неформального общения представителей сообщества историков, уровня их эффективности, а также их влияние на научную деятельность [2]. В этой связи анализ эпистолярной коммуникации, выявление личных и научных связей по дневниковым записям и воспоминаниям весьма важны в деле реконструкции коммуникативной среды, в которой конституировалась украинская историческая наука.

Весьма интересны и важны для современной историографии данные источников, раскрывающие психологические особенности историков, влияние окружения, внутренних ощущений, переживаний на их творчество. Достижение таких результатов возможно при условии применения методов текстологии, генетической критики, графологии, неографии, психолингвистики, контент-анализа при изучении источников личного происхождения. Исследовательская практика показывает, что его-документ, как текст автокоммуникации, воспринимается как психонарратив, несущий в себе в специфической форме поток информации о внутреннем мире автора [1; 11]. Применение такой комплексной методики позволяет выделить дискурсивные практики, которые дают возможность увязывать жизнедеятельность субъектов историографического процесса с научным творчеством [12, с. 230]. Наиболее перспективен психолингвистический подход для определения мотивов создания дневников, воспоминаний и автобиографий [6; 15], поскольку апелляция к доверчивости автора дневника [4, с. 290; 16], своеобразное позиционирование автора дневниковых записей по отношению к читателю и поиск ответа на сакраментальный вопрос о том, прочтут ли дневник после смерти автора, редко находили столь однозначные ответы как, например, в тексте дневника профессора Нежинского историко-филологического института М. Бережкова, который четко отождествлял дневниковые записи с жизнью: «Дневник — собственно для фактов, а не для размышлений: этого не следует забывать. Дневник — не мемуары, не автобиография... Это — взгляд на себя самого несколько поглубже, чем в обыкновенное время... Это мысли и чувства». Потому М. Бережков намеревался «прочитать все тетради дневника, а потом сжечь; или попробовать написать автобиографию на основании их, да еще разных писем ко мне от разных людей» [10, с. 134].

Зачастую переписка и автокоммуникативные тексты становились черновиком «большого текста» историка. Генетическая критика, ста

вещающая во главу угла своей методологии работу с авторским черновиком, — ключ к установлению связей между предварительными заметками, оформленными в письмах и дневниковых записях и другими текстами историка. Активная апробация научных гипотез в эпистолярном общении была характерна для приобретающей реальные очертания в пространстве российской историографии украинской исторической науки второй половины XIX — начала XX в. В эпистолярном наследии Н. Костомарова, Д. Яворницкого, М. Грушевского, А. Лазаревского, Н. Василенко и др. одно из центральных мест занимала исследовательская практика. Контент-анализ их эпистолярного наследия явственно свидетельствует о наличии в лексическом составе текстов писем ученых специальной терминологии, присутствие в виде смысловых блоков фрагментов исторических исследований, специфическая структура синтаксических конструкций, которая отражает субъективные и объективные установки авторов по отношению к адресатам и профессиональной корпорации на микро- и макроуровнях.

Методы текстологии имеют уникальное значение для определения потерь в корпусе источников личного происхождения, прежде всего эпистолярных. Без критического анализа текстов писем, которые сохранились до наших дней, сложно составить представление о реальном объеме корреспонденции, который характеризует сообщество отечественных историков второй половины XIX — начала XX в. К тому же такой анализ необходим для определения репрезентативности комплекса его-источников.

Полученные в результате применения исследовательских технологий из других отраслей знаний факты с историографическим значением требуют правильной интерпретации и презентации, которая предполагает выход на уровень гипертекстовых построений. Это необходимо для того, чтобы актуализированные в ходе исследования разрозненные сведения стали логически и семантически интегрированной частью системы знаний об историографическом процессе.

Таким образом, применение междисциплинарных методов в исследованиях по источниковедению историографии доказывает свою эффективность в реконструкции всеобъемлющего образа истории исторической науки и способствует преодолению экстенсивных подходов, ориентированных на расширение источниковой базы для получения нового знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ващенко, В. В. Від самопрезентації до методології : психобіоісторіографічний вимір простору історіописання М. Грушевського / В. В. Ващенко. Дніпропетровськ, 2007.
2. Дятлов, В. Комунікативна культура Середньовіччя і раннього Модерну в сучасній німецькій історіографії. Від історії комунікацій до історичної комунікології / В. Дятлов // Сіверянський літопис. 2007. № 1. С. 106—116.
3. Карасик, В. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. Карасик. Волгоград, 2002.
4. Кобрин, К. Похвала дневнику / К. Кобрин // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288—295.
5. Луцевич, Л. Ф. Маргинальность, эго-документ, личность / Л. Ф. Луцевич // Международная конференция «Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста», Юрьев-Польский, 3—5 октября 2008 г. : тез. докладов. М., 2008. С. 84—86.
6. Мамонтова, М. А. «Я — историк»: мотивы написания автобиографий / М. А. Мамонтова // Историк в меняющемся пространстве российской культуры : сб. ст. Челябинск, 2006.
7. Масненко, В. В. Історична думка та націотворення в Україні (кінець XIX — перша третина XX ст.) / В. В. Масненко. Київ; Черкаси, 2001.
8. Михеев, М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX—XX) / М. Ю. Михеев. М., 2007.
9. Можаяева Г. В. Контент-анализ историографического источника (К вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) / Г. В. Можаяева, Н. А. Мишанкина // Вестн. Томского гос. ун-та. Томск, 2007. № 294. С. 52—60.
10. Остряноко, А. Щоденник професора М. Бережкова / А. Остряноко // Сіверянський літопис. 1997. № 5. С. 133—139.
11. Сапожникова, Н. В. «Авторский голос» как элемент эпистолярно-историософской репрезентации личности (на материалах XIX в.) / Н. В. Сапожникова // Изв. Уральского гос. ун-та. 2005. № 34. С. 81—89.
12. Сердійчук, Л. П. Автобіографія як особливий вид дискурсу / Л. П. Сердійчук // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. 2004. № 17. С. 230—232.
13. Соколова, В. В. Теоретико-методологические вопросы формирования языковой личности / В. В. Соколова // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Се-рия: Социальные науки. Нижний Новгород, 2002. Вып. 1. С. 211—217.
14. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. М., 1977.

15. Таймазова, Л. Л. Память как одна из основополагающих мемуарной прозы / Л. Л. Таймазова // Культура народов Причерноморья. 2005. № 69. С. 74—77.
16. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем / Р. М. Фрумкина. М., 2004. Препринт WP6/2004/04.
17. Шенк, Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе / Ф. Б. Шенк // Политическая наука. Политический дискурс : История и современные исследования. 2001. № 4. С. 4—17.
18. Dekker, R. Jacques Presser's Heritage: Egodocuments in the Study of History / R. Dekker // Memoria y Civilización. 2002. No. 5. P. 13—37.
19. Schulze, W. Ego-Dokumente : Annäherung an den Menschen in der Geschichte? Vorüberlegungen für die Tagung «EGO-DOKUMENTE» / W. Schulze // Schulze Winfried (ed.) Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. Berlin : Akademie Verlag, 1996. S. 11—30.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 30 ліпеня 2009 г.